

О. Б. Степанова

К ИСТОРИИ АНТРОПОГЕННОГО ЛАНДШАФТА БАССЕЙНОВ ТАЗА И ТУРУХАНА (XVII — НАЧАЛО XX ВВ.)

АННОТАЦИЯ. Выбор антропогенного ландшафта бассейнов Таза и Турухана объектом исследования объясняется тем, что создавали его, в числе прочих народов, северные селькупы, сформировавшиеся на этой территории в новую этническую группу со своим хозяйственным укладом, образом жизни и культурой. «Собирание» истории освоения бассейнов Таза и Турухана помогло взглянуть на процесс формирования группы северных селькупов с нового ракурса, создать пространственную картину этого процесса и лучше понять, какую роль в нем играли природные условия края и взаимодействие селькупов с другими народами, его населявшими. Для исследования был взят период с начала XVII в. и до 1920-х гг. Для селькупов эти временные рубежи ознаменовали эпохи радикальных перемен. В 1620-х гг. селькупы стали переселяться со Средней Оби на север. Заканчивается период рассмотрения темы 1920-ми гг., когда сложившаяся у селькупов за последние три века культурная традиция вновь стала ломаться.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: селькупы, русские, этнография, антропогенный ландшафт, история освоения, этнические взаимодействия

УДК 39(=511.2)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-1-16-28

СТЕПАНОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА — к.и.н., н.с. отдела Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: stepanova67@mail.ru

Выбор бассейнов рек Таза и Турухана как объект исследования был сделан автором по этнической общности, их населяющей. Границы бассейнов Таза и Турухана совпадают с границами расселения этнографической группы северных селькупов. Место проживания, как правило, выполняет объединяющие, формирующие всякую этническую общность функции. Природные условия места определяют ее быт, образ жизни и культуру. И наоборот, приспособив свое хозяйство к условиям места проживания, этническая общность меняет природный ландшафт, создает внутри него, на его основе, свой ландшафт, антропогенный. В данном исследовании рассмотрены два взаимосвязанных процесса, которые происходили в бассейнах Таза и Турухана: формирование

быта и культуры северных селькупов под влиянием природных условий территории их проживания и изменение природного ландшафта этой территории при воздействии на него его насельников.

В оба процесса были включены сразу несколько народов: русские, энцы, ненцы, ханты и кеты. Для них земли Таза и Турухана были оставленной родиной или недавно обретенной малой частью их родины. Можно сказать, что антропогенный ландшафт этих земель и культура северных селькупов стали плодом сложного межнационального взаимодействия в течение ряда веков.

Выбор периода исследования — с начала XVII в. и до 1920-х гг. — объясняется тем, что для селькупов эти временные рубежи ознаменовали эпохи радикальных перемен. В 1620-х гг. селькупы стали переселяться со Средней Оби на север. Тогда под влиянием условий севера и воздействием других народов у них началось формирование новой этнической группы, с новым хозяйственным укладом, новым образом жизни и культурой. Заканчивается период рассмотрения темы 1920-ми гг., когда сложившаяся у группы северных селькупов за последние три века традиция вновь стала ломаться.

В виду дискуссии, разгоревшейся в отечественной науке в XX в. по поводу определения антропогенного ландшафта (Мильков 1973; Исаченко 1976), автор в начале статьи хочет коротко обозначить свою позицию по данному вопросу. Вслед за большинством этнографов, изучающих народы Сибири и Севера, автор считает, что антропогенный ландшафт любой территории формирует само наличие на этой территории народов, их поселений, в том числе передвигаемых и заброшенных, независимо от их размера, одиноких построек разного назначения, кладбищ, культовых объектов, сооружений, связанных с хозяйственной деятельностью, путей передвижения, включая зимние, водные и сухопутные, стад домашних животных и т. д. Наличие в географическом ландшафте этих объектов подвергает коренному изменению не органическую, но объемно-пространственную его структуру (Степанова 2018).

Тема формирования антропогенного ландшафта бассейнов Таза и Турухана до сих пор оставалась вне внимания исследователей. Сведения, необходимые для рассмотрения темы, собирались автором из самого широкого круга опубликованных источников (Доннер 2008; Доброва-Ядринцева 1925; Скалон 1930; Долгих 1960; Кочедамов 1969; Алексеенко 1979; Соколова 1982, Степанова 2007; 2009; 2010; 2018; и др.), включающих анализ большого объема архивных и полевых материалов.

В исследовании автор ставил своей задачей, проясняя картину ландшафта, создаваемого человеческим сообществом, узнать нечто новое об этом сообществе. Или, другими словами, используя антропогенный ландшафт в качестве исследовательского инструмента, пополнить копилку знаний об изучаемом народе.

Первые селькупские переселенцы появились на Тазе и Турухане в 1620-х гг. Но явились сюда селькупы не первыми — раньше них на Таз и Турухан пришли и прочно закрепились русские.

В 1600 г. на реку Таз прибыло стрелецкое войско, посланное царем Б. Годуновым для завоевания новых племен и территорий и поиска новых источников пополнения государственной казны. На границе леса и тундры, там, где в Таз впадала река Осетровка, ими был основан первый русский город за Полярным кругом — Мангазея (рис. 1).

В 1606 г. в крае была закреплена воеводская власть и учрежден Мангазейский уезд в составе Тобольского разряда. Воеводы постепенно расширяли территорию уезда постройкой зимовий, и приблизительно к 1634 г. бассейны Таза и Турухана полностью вошли в состав русского государства.

С основанием Мангазеи антропогенный ландшафт рассматриваемой территории начал кардинально меняться. Население русского северного города быстро росло. Через несколько лет здесь

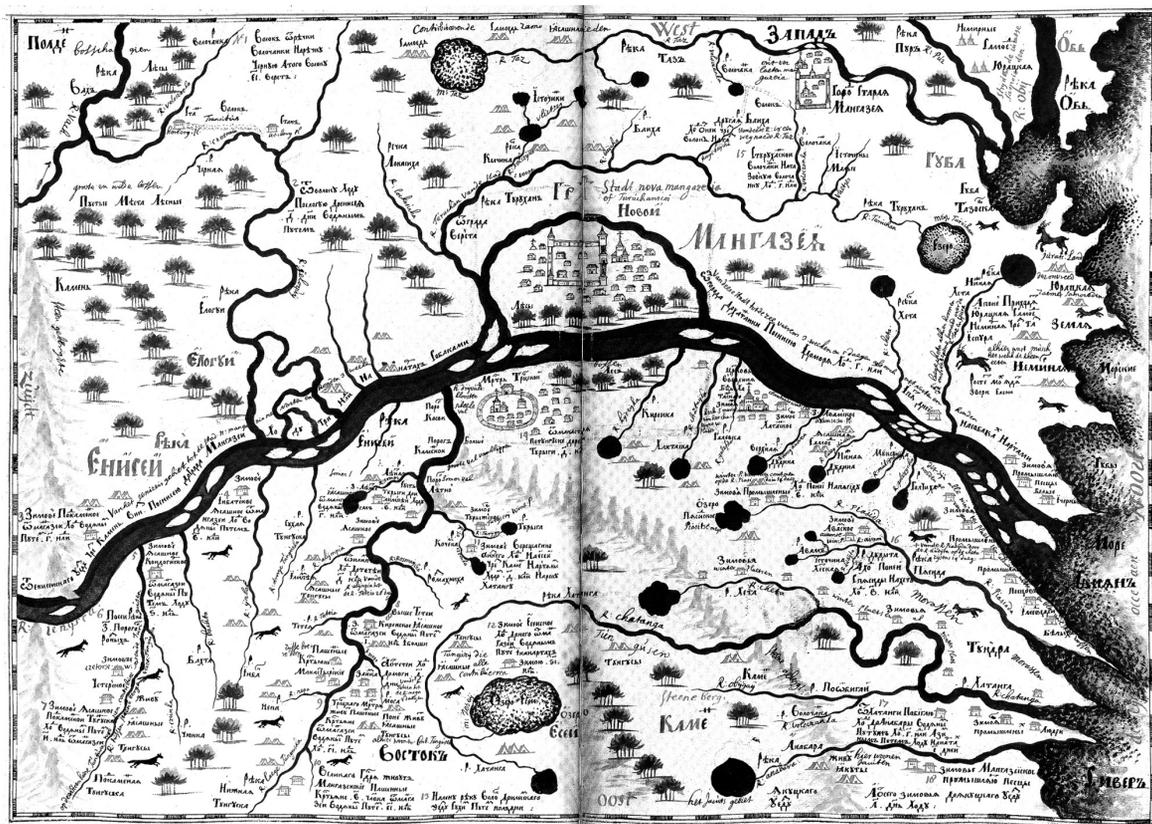

Рис. 1. Карта города Мангазеи с окрестностями конца XVII в. из «Чертежной книги Сибири, составленной тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году», — Санкт-Петербург, 1882 г.

уже имелись крепость-кремль с крепостной стеной, посад, три церкви, гостиный двор, хлебные магазины. В городе было около 100 жилых домов (7 улиц), население его составляло более чем 1500 человек. Сияние золоченых церковных куполов закрепило за Мангазеей эпитет «златокипящая» (Кочедамов 1969: 82–88).

В 1607 г. недалеко от места впадения Турухана в Енисей было основано Туруханское зимовье, которое стало быстро превращаться в город.

Местные племена были обложены ясаком — натуральным налогом, выплачиваемым пушниной. Каждый охотник племени должен был отдать ясак в размере десятой части добытой им пушнины (так называемая «десятая пошлина»). Уже к 1608 г. самоеды Таза и Турухана регулярно доставляли ясак в Мангазею. Все сведения о новых ясакоплательщиках, об умерших охотниках, о перебравшихся в другой район и о неплательщиках учитывались в ясачном столе Мангазейской приказной избы (Долгих 1960: 129).

Ввиду обширности территории Мангазейского уезда ясак с коренного населения собирался при помощи сети специальных ясачных зимовий. Зимовья устраивались в местах кочевков групп коренного населения. Осенью из Мангазеи в каждое зимовье выезжали ясачные сборщики вместе с толмачами. По дороге они захватывали аманатов — заложников — из числа членов рода или племени. В течение зимы они сидели с аманатами в зимовье, куда представители племени привозили ясак. Весной вместе с собранной пушниной сборщики возвращались в Мангазею (Долгих 1960: 121).

В первые десятилетия после образования Мангазейского уезда на Тазу существовало несколько зимовий, которые как ясачные зимовья просуществовали недолго и вскоре перестали упоминаться в источниках в качестве мест сбора ясака. К таким относились Худосейское ясачное зимовье (1627–1645) на реке Худосее (правый приток Таза в его верховьях) и Леденкин шар (1627–1645) на рукаве (шаре) Таза в его низовьях, близ устья правого притока Таза реки Русской. Верхотазское зимовье находилось на Тазу, выше Мангазеи, но ниже устья Худосеи. Впервые упоминается в 1626 г. В конце XVII в., примерно с 1692 г., оно было оставлено, и ясак на Тазу собирался в старом Мангазейском городе. После 1645 г. в Верхотазском зимовье собирался ясак и с «худосейской самояди» (Долгих 1960).

Оживленная торговля пушниной велась в русских поселениях низовьев Таза еще до присоединения мангазейских земель к русскому государству. С появлением города Мангазеи сбыт пушнины, добываемой охотниками (русскими и самоедскими), сконцентрировался в нем, и объемы пушной торговли значительно увеличились. Чтобы закрыть сибирский север от проникновения иностранцев и для предотвращения беспощинного вывоза пушнины своими же предпринимателями, царь Михаил Федорович Романов в 1619 г. издал указ, запрещающий всякие плавания в Мангазею морским путем.

Расцвет торгового города Мангазеи был связан в первую очередь с арктическим мореплаванием. Следствием царского указа 1619 г. стало сокращение притока в город промысловиков и уменьшение объемов его пушной торговли, что постепенно привело Мангазею к упадку. Усугубили положение Мангазеи два больших пожара 1642 и 1662 гг. и частые распри воевод. В 1662 г. центр Мангазейского уезда был переведен в Туруханское зимовье, туда же стали переезжать мангазейские жители. В 1670 г. Туруханское зимовье было поставлено под воеводское управление. В 1672 г. жители покинули Мангазею, и она окончательно опустела. Мангазея перестала существовать как город, но место, где она стояла, оставалось форпостом государства еще многие годы.

Незадолго до заката, в 1642 г., Мангазея обрела своего святого Василия Мангазейского. Над мощами божьего угодника в 1652 г. в городе была поставлена часовня его имени. В 1670 г. мощи Василия Мангазейского перевезли в Свято-Троицкий монастырь, построенный неподалеку от Туруханского зимовья. Но за мангазейской часовней сохранился статус святого места, и она осталась живой частью антропогенного ландшафта (Становление православия 2017). Последнее упоминание о существовании часовни относится к началу XX в.

Другим, еще более известным, церковным сооружением на тазовских берегах была Тазовская Николаевская церковь. Дата ее постройки неизвестна, но в конце 1730-х гг. церковь уже стояла. Находилась она на правом берегу реки Таз в половине дня пути до устья реки Худосей. Основной обязанностью служителей (причт церкви состоял из священника и псаломщика) была миссионерская деятельность по обращению в православие местного кочующего населения. Сути христианства инородцы постигнуть не могли, но русских богов почитали, включая их в свой пантеон (Алексеенко 1979). Церковь просуществовала до 1920-х гг. Как и часовня Василия Мангазейского, Тазовская Николаевская церковь была элементом антропогенного ландшафта русского авторства и представительством православной церкви и русского государства на тазовских берегах.

Русские ушли на восток, оставив на Тазу в качестве опоры своей власти зимовье, часовню и церковь. Центром Мангазейского уезда стало Туруханское зимовье, вскоре оно было переименовано в Новую Мангазею. За один год в Новой Мангазее построили крепость с пятью башнями, посад, заложили гостиный двор, церкви и казенные здания (Кочедамов 1969: 82–88). В 1708 г. Новую Мангазею переименовали в город Туруханск.

Основой расцвета Туруханска стали удобное местоположение, активно развивающийся пушной промысел и торговля пушниной. Первая туруханская ярмарка открылась в 1630 г. На ярмарку съезжалось по две тысячи человек и более. Здесь собирались промысловики — русские и инородцы, вернувшиеся с соболиных промыслов, купцы из новых городов на Енисее, а также купцы московские, архангельские и т. д. Ярмарка работала две летних недели. В самом Туруханске проходила ярмарка продовольственных товаров, а также боеприпасов и мануфактуры. Гостиный двор Туруханска имел 25 лавок, на период ярмарки строили временные лавки и балаганы. Пушная ярмарка собиралась в 25 верстах от города, на Енисейской протоке и проходила на судах и лодках, сюда одновременно съезжалось до 200 тунгусских и остяцких лодок с пушниной. С тунгусами и остяками торговали безденежно, посредством обмена: шкурки пушных зверей менялись на продовольствие и боеприпасы. Обмен был крайне несправедливым, цена на пушнину всячески занижалась, а на покупаемые товары завышалась (Туруханский район 2017).

В ясачный стол (приказ) Туруханска стекалась пушнина, собранная служилыми людьми на зимовьях. Инородцы, жившие недалеко от города, сдавали ясачную пушнину непосредственно в Туруханск. Для учета плательщиков ясака каждые семь лет проводились ревизии. Обложение ясаком велось подушно и по родам. В каждой инородческой группе — племени или роде — был ответственный за сбор ясака — князец или староста. Он собирал ясак среди соплеменников и отвозил его в «свое» зимовье или сдавал в Туруханск. Кроме десятины, инородцы платили еще «поминки» — добровольно-обязательные «дары» мехами царю и воеводе.

В начале XVIII в. Сибирский край был объединен в Сибирскую губернию с губернским городом Тобольском. В 1735 г. был образован Туруханский уезд (до 1780 г. — Новомангазейский) Сибирской губернии, в 1782 г. он был преобразован в Туруханский округ Тобольского наместничества (с 1804 г. — Томской губернии). В 1823 г. Туруханский округ был включен в состав Енисейского округа Енисейской губернии.

К концу XVIII в. численность пушного зверя в Туруханском крае стала сокращаться, объемы пушной торговли падать, и Туруханск стал приходить в упадок.

Так проходило русское освоение бассейнов Таза и Турухана в XVII–XVIII вв. Главным его результатом стало включение этих земель в состав русского государства и создание системы взаимодействия с коренным населением. Отражением этого результата в антропогенном ландшафте стали два города — Мангазея и Туруханск, зимовья, туруханская ярмарка и православные церкви.

С 1620-х гг. бассейны Таза и Турухана начали заселяться и осваиваться еще одним народом — селькупам, или, как их тогда называли, остяками. Они приходили с юга и несли свою, кардинально отличавшуюся от русской, культуру. Взаимодействуя с русскими, лесными энцами и другими народами, селькупы формировали здесь свой ландшафт. Утверждение селькупов на новой территории происходило разными способами и было процессом сложным. С русскими у них возникали отношения подчинения и обмена, с лесными энцами, чьи земли они захватывали, а также с хантами и лесными ненцами — претендентами на эти же земли, они воевали. Вступая в контакт с другими народами, селькупы смешивались с ними по крови. Особенно активное смешение происходило у селькупов с кетами, переселявшимися сюда с юга вместе с ними. Свою хозяйственную деятельность селькупы приспособивали к новым природным условиям, перенимая хозяйственные формы у народов с северным типом хозяйства. В итоге селькупы закрепили за собой и освоили огромной широты природные пространства.

По составу селькупы, начавшие передвижение на Таз, были выходцами из трех волостей Сургутского уезда — Ларьятской (располагалась в низовьях Васюгана), Тымской (охватывала реку

Тым) и Караконской (находилась в верховьях Ваха). Передвигавшуюся часть селькупов пополняли отдельные выходцы из кетов и разных групп селькупов, в частности из Кетского уезда. Такое же перемещение совершали кеты (тоже остяки) Сымской волости, они шли на Енисей и «Инбак» (Долгих 1960: 78–79).

Процесс проникновения селькупов на Таз и Турухан нашел отражение в документальных источниках. В 1629–1632 гг. в ясачных книгах часто встречаются записи, что тымские, караконские и сымские остяки «сошли» для «вешних звериных промыслов» «на самоедскую сторону», «на Тазовскую сторону», на Енисей, на Инбак-реку «безвестно» и «в свои юрты не вернулись». В 1637 г. три остяка Закаменского зимовья Мангазейского уезда были «взяты» в Сургут как бывшие сургутские плательщики ясака. Запись 1649 г. сообщает, что сургутские остяки ограбили двух кетов и собирались идти войной на Мангазейский уезд. В 1654 г. эти же «воровские остяки» убили на Тазу на Большой соболиной реке десять верхотазских самоедов. В 1656 г. мангазейский воевода Игнатий Корсаков послал стрельца Ивана Сорокина мирить живших на Тазу тымских и караконских остяков с мангазейскими ясачными самоедами и пр. В 1696 г. в Туруханске платили ясак 8 сургутских остяков, а в 1703 г. — 20 (Долгих 1960: 82–84).

Нормы взимавшегося ясака, возможно, стали одной из причин переселения селькупов на Таз, поскольку годовой ясачный оклад и поминки в Сургутском уезде составляли 10 соболей, в Нарымском — 11 соболей, в Енисейском (у остяков) — 12 соболей с человека. В Мангазейском же уезде остяки платили лишь по 5 соболей в год. Поэтому можно предположить, что многие остяки Сургутского, Нарымского и Енисейского уездов вначале стремились платить именно в Мангазейском уезде независимо от своего фактического местожительства и своих племенных и родовых связей. Этим объясняются и известные факты увода остяков-ясакоплательщиков сургутскими и нарымскими служилыми людьми из Мангазейского уезда обратно в Сургутский (Долгих 1960: 147–148).

К 1701 г. Тымская волость была разделена. Часть ее осталась на Тyme (с 73 тымскими и 2 сымскими плательщиками ясака) и перешла в Нарымский уезд. Другая часть (42 плательщика ясака) получила название «Тымская волость Тазовской стороны» и осталась в Сургутском уезде. В Сургутском уезде остались также Караконская (28 караконских плательщиков ясака жило на тот момент на Тазу) и Ларьятская волости. В 1706 г. в «Тымской волости Тазовской стороны» был 31 плательщик ясака. Восемь тымских остяков находились в «Торуханском уезде». В Караконской волости на Тазу числилось 18 человек (Долгих 1960: 84).

Анализ селькупских фамилий XVII–XVIII вв. говорит о том, что в состав тазовских селькупов вошли ханты. Ханты начали передвижение на северо-восток из Сургутского уезда одновременно с селькупами и вместе с ними заселили весь бассейн реки Вах. В результате движения хантов широкая полоса хантыйского населения отделила тазовских селькупов от их прежней родины. Однако верховья Ваха еще в XIX в. были селькупскими (Соколова 1982: 123).

Селькупы, поселившиеся на притоках Турухана, реках Верхней и Нижней Баихах и платящие ясак в самом Туруханске, ассимилировали осевших рядом кетов и образовали группу баихинских селькупов. По Енисею в низовьях реки Курейки образовалась смешанная кетско-селькупская карасинская группа, в которой, спустя время, селькупы были ассимилированы кетами.

Энцы до прихода селькупов занимали весь Таз и Турухан. Продвижение селькупов в верховья Таза в некоторой степени было облегчено ослаблением энцев в результате эпидемии оспы 1630–1631 гг. Постепенно, с середины XVII в. — середины XVIII в., селькупы оттеснили энцев с Турухана и из среднего течения реки Таз. Южные группы энцев отходили на север. В дальнейшем

в пределах Таза, в низовьях, остался лишь энецкий род Салярта, который вместе с некоторыми ненецкими родами (Паравы, Маръик, Тёр) образовал Тазовскую волость. Контактируя с энцами, селькупы вбирали в себя энецкий компонент (Долгих 1960: 143).

В XVII в. не сидели на месте и ненцы (юраки), ими были освоены низовья Таза и бассейн Пура. «Пуровская юрацкая самоедь рода Пеки» (Пяк) упоминается в ясачных книгах уже в 1637 г. Юраки в устье Таза появились в 1657 г. В конце XVII в. ненцы занимали все низовье Таза вплоть до района старого Мангазейского города (Долгих 1960: 136). В селькупском фольклоре содержится много сказок о войнах с лесными ненцами за промысловые угодья.

В первой четверти XIX в. Тымская и Караконская селькупские волости окончательно перемещаются на Таз. К ревизии 1832 г. тазовские селькупы оформляются как один Тымско-Караконский род. В 1845 г. население, кочующее по Тазу и Ваху, разделяется административно, ваховские остяки перечисляются в Сургутское отделение Березовского округа. В 1852 г. бассейн реки Таз вошел в состав Туруханского края Енисейской губернии (Соколова 1982: 124).

Всего в 1832 г. остяков Тымско-Караконского рода насчитывалось 395 мужчин и 211 женщин (606 человек). В 1845 г. было отчислено в Сургутский округ 15 семей — 98 человек. В 1852 г. Тымско-Караконский род насчитывал 442 человека (Соколова 1982: 124–125).

В результате описанных процессов в верховьях Таза сложилась особая по составу группа селькупов. Уже для XVII в. можно предполагать тесные взаимодействия верхнетазовских селькупов с кетами-инбаками, освоившими бассейн Елогуйя, верховья которого считались угодьями тазовского населения. Эта группа кетов и верхнетазовские селькупы были друг для друга экзогамными половинами, и между ними были установлены брачно-родственные отношения. Верхнетазовское население сохранило также традиции связей, в частности семейно-брачных, с ваховскими селькупками, подвергшимися значительному хантыйскому влиянию, и собственно ваховскими хантами (Алексеевко 1973: 33–34).

В первой половине XIX в. среди селькупского населения Верхнего Таза и елогуйских кетов расселились эвенки из рода Баяки (современные Баякины), выходцы с Подкаменной Тунгуски, часть которых осталась в районе Дубчеса и Сыма (Алексеевко 1973: 33).

Так происходило формирование этнографической группы северных селькупов. Окончание этого процесса можно отнести ко второй половине XIX в. В этот период прекращается приток нового населения из южных областей и миграции принимают внутрорегиональный характер (Соколова 1982: 126).

По Всероссийской переписи населения 1897 г. северных селькупов числилось: тазовских 548 человек (295 мужчин и 253 женщины), байшенских 254 человека (134 мужчины и 120 женщин), карасинских 25 человек (11 мужчин и 14 женщин) (Соколова 1982: 127).

Заселяя бассейны Таза и Турухана, селькупы адаптировали свою культуру к новым природно-климатическим условиям. До переселения на Таз селькупы имели рыболовно-охотничий тип хозяйства. «У всех остяков Сургутского уезда в качестве главного занятия указывается в источниках рыболовство. Обеспечение себя запасами рыбы на зиму являлось и главным условием успешного охотничьего промысла. Ни об оленеводстве, ни о коневодстве и скотоводстве у сургутских остяков XVII в. в известных нам материалах ничего не сказано» (Долгих 1960: 84).

В результате приспособления к другим природно-климатическим условиям и взаимодействия с народами, имевшими оленеводческие культуры, селькупы, до того не знавшие оленеводства, стали оленеводами. У селькупов сформировалось крупностадное тундровое оленеводство (им занималось небольшое количество хозяйств нижне- и среднетазовских селькупов) и мелкостадное

транспортное таежное оленеводство с вольным или полувольным выпасом оленей, строительством оленных сараев и использованием дымокуров. Второй тип характерен для хозяйств верхнетазовских селькупов. Еще позже у верхнетазовских селькупов под влиянием пришедших в верховья Таза эвенков прижился эвенкийский тип выючно-верхового оленьего транспорта, который параллельно с упряжным северосамодийским типом сохранялся здесь до первых десятилетий XX в. Оба типа оленеводства у селькупов (первый меньше, второй больше) являются транспортным оленеводством, имеющим вспомогательное значение (Козьмин 2003: 32–39).

Новые природно-климатические условия и оленеводство, расширявшие диапазон возможностей, определили характер и особенности селькупских занятий рыболовством и охотой, маршруты и расстояния кочевков, внешний вид стойбищ и т. д. Селькупы создавали ландшафт, который соответствовал кочевому образу жизни: «Остяки Тымско-Караконской управы с началом весны спускаются на мелкие речки и озера, где пушальней, кацами, запорами промышляют по высокой воде рыбу, в целях потребления ее внутри своего хозяйства. Весною охотятся они также в массовых размерах за дичью. В июне переходят на более крупные реки: Таз, Худосея, Елогуй. Некоторые хозяйства спускаются на пески низовьев Таза, где занимаются неводьбой. Олени в течение лета пасутся в близлежащих тундрах. Когда вода падает — в сентябре — остяки идут обратно “на гору”, на место весеннего промысла, и ютятся близ речки или озера, промышляя рыбу и заготавливая ее на зиму. С ноября начинается промысел на белку, но в это время остяк промышляет “в бору”, вокруг своего чума. С февраля он отправляется в “большую дорогу”, на промысел белки по хвойным лесам левобережья, за сотни верст от своего обычного кочевания. Некоторые остяки, кочующие севернее, с февраля, на март и апрель уходят в тундру на промысел дикого оленя (Юрацкая тундра, Толняр). Не только место кочевания (речка, яр, озеро), но и место промысла — бор, тундра, указываются вполне определенно, так как у них из года в год имеется “свое место”. Указывая район кочевания, остяк Тымско-Караконской управы определяет два пункта — речку, озеро, где он веснует и летует и даже зимует, и район промысла, куда он уходит за белкой или за диким оленем» (Доброва-Ядринцева 1925: 74).

По характеру своего быта тазовские селькупы несколько отличались от баишенских. Отсутствие оленей сужало круг их промысла, основой их существования было рыболовство.

На рубеже XIX–XX вв. баишенские остяки, жившие ближе к Туруханску, занимались к туруханцам на «гоньбу почты», т. е. греблю на лодке, рубили им дрова, косили, пастушили русских оленей (Островских 1931: 161–181). И у баихинских (в большей степени), и у тазовских селькупов (в меньшей) развивалось товарное рыболовство артельного типа (Островских 1931: 176; Доннер 2008: 91).

Оседлых поселков в полном смысле этого слова у селькупов не было, были места временных поселений, где они жили каждый год в течение какого-то одного сезона, через 5–8–10 лет меняя и это место стоянки. В некоторое заблуждение по поводу наличия у селькупов постоянных поселений вводят старые географические карты, на которых иногда в районе верхнего течения реки Таз отмечены населенные пункты Караконская и Тымская. Например, на карте Енисейской губернии 1825 г. «деревня» Тымская отмечена на левом берегу Таза выше устья правого его притока, реки с названием Сирипта, а «деревня» Караконская — в среднем течении этой же реки (рис. 2). Можно предполагать, что под рекой Сирипта здесь скрывается самый крупный правый приток Таза в его верхнем течении — река Большая Ширта. Вероятно, эти населенные пункты были нанесены на карту как условные центры кочевий селькупов Тымской и Караконской волостей или как кочевые стоянки, находящиеся в данных местах на момент фиксации картографами. Ни в каких других известных источниках указаний на постоянные селькупские поселения XVII–XIX вв. не содержится.

Рис. 2. Генеральная карта Енисейской губернии. Туруханский край

Жилищем селькупам летом служили чумы, крытые вываренными берестяными тисками, или шалаши. На летних стойбищах устраивались оленные сараи. Зимой селькупы жили в чумах с покрывками из оленьих шкур и полуземлянках, строившихся часто на одну зиму (Скалон 1930: 131). Некоторые из самых бедных селькупов жили в «ямах»: «Живет он в яме в окрестностях Туруханска: разгреб снег и обставил стенки елками» (Островских 1931: 170). Для хранения вещей строились амбары на столбах. На периферии стойбища располагались кладбища и культовые места. Селькупское стойбище и его инфраструктура рассматривались автором в ряде работ (Степанова 2007; 2009; 2010).

Полуземлянки селькупы строили из бревен в форме усеченной пирамиды. К. Доннер описывает полуземлянку как сооружение с бревенчатыми стенами, ледяными окнами и очагом — суживающейся кверху глиняной трубой (2008: 99). Полуземлянка, которую видел Доннер, находилась на реке Поколька, была очень большой — вмещала 30 человек, и к ней зимой съезжалось «все пле-

мя», чтобы заплатить князю ясак. О родовых съездах коренного населения в Туруханском крае, называвшихся сугланами и связанных в первую очередь со сбором ясака, известно по источникам еще XVIII в.: «Естли с осени бывает хорош когда промысел и исправившись есаком, то в генваре и феврале [иноверцы] збираютсца к есашным сугланым местам по повескам посылаемых для сбора есака казаков» (Андреев 1947: 88). Возможно, что место сбора на реке Поколька было ясачным сугланным местом верхнетазовских селькупов, поскольку единственное известное в тот период на Тазу русское ясачное зимовье — в старой Мангазее — находилось от них очень далеко.

Весь XIX в. административным центром Туруханского края оставался Туруханск. По сведениям 1859 г., Туруханск имел 79 домов, 99 жителей мужского пола и 93 женского. В городе было 2 православных церкви, училище, больница, почтовая станция, пристань, ярмарка, острог, винный и пороховой подвалы, хлебный и соляной магазины (Туруханский район 2017).

К началу XX в. соболь в Туруханском крае оказался практически истреблен, и ясак остяки вносили преимущественно белкой и горностаями. Кроме ясака инородцы, как и другие жители губернии, несли почтовую повинность: они по очереди перевозили почту и путешествующих чиновников.

После 1822 г., по инициативе государственного деятеля М. М. Сперанского, для обеспечения продовольственной безопасности страны были учреждены хлебозапасные магазины. Кроме хлеба в них продавались боеприпасы. Торговля хлебом и порохом шла также в обмен на пушнину.

В хлебозапасном или, как его еще называли, казенном магазине Туруханска продавались мука, соль, порох, свинец. Заведовал магазином непосредственно Туруханский отдельный пристав — главный администратор края. По свидетельству П. Е. Островских, в 1904 г. за баишинскими остяками уже два года числилась недоимка в 4 тонны хлеба. Князь (родовой инородческий старшина) не мог собрать недоимку из-за разорения остяцкого хозяйства вследствие двух «непромышленных» зим (Островских 1931: 168–171).

Другой хлебозапасный магазин был устроен на Тазу неподалеку от часовни Василия Мангазейского. Этот магазин и появившаяся рядом с ним пристань связаны с именем М. К. Сидорова — известного купца, золотопромышленника и исследователя Севера. Впоследствии на том месте появился населенный пункт Пристань Сидоровская, переименованный позже в поселок Сидоровск.

У пользующихся этим хлебозапасным магазином тазовских остяков, по замечанию К. Доннера, зависимость от русского хлеба была намного меньше, чем у баишенских (Доннер 2008: 95).

Третий хлебозапасный магазин в пределах бассейнов Таза и Турухана находился в местечке Янов Стан, расположенном в верхнем течении Турухана. Когда он был открыт, сказать трудно, но в 1899 г. он уже работал. Весь поселок состоял из четырех стоящих над рекой бревенчатых срубов, два из которых были складами, а один был избой вахтера-смотрителя. Жители тундры, приезжая в магазин, ставили чумы в лесу неподалеку. Доставка товаров в Яновский, как его называли, магазин производилась селькупами-подводчиками по наряду, они тянули лодку с товарами бечевой от Туруханска вверх по Турухану. В 1901 г. вахтером Яновского магазина был Сидельников (Островских 1931: 168).

Единственными русскими жителями в Тазовской и Туруханской тундре до революции были семьи Сидельникова и Завадовского. Обе семьи жили своим хозяйством, их местожительство указывалось на старых географических картах: «Изда Завадовского» и «Изда Сидельникова» (Доннер 2008: 94).

В XIX в. усилилась зависимость селькупского хозяйства от торговых товаров. Как писал К. Доннер, «к хлебу аборигены не приучены: мука здесь большая редкость. Сахар и соль бывают чаще, табак и кирпичный чай аборигены регулярно получают из цивилизованного мира» (Доннер 2008: 94).

«Остяки снабжались или купцами, выезжавшими на Таз, или должны были выходить на линию Енисея. Выход к русским селениям был несколько легче группе Баишенских остяков, кочевавших восточнее, для большинства же Тымско-Караконских остяков переход этот был довольно велик — только семьи, кочевавшие в верховьях Таза и Елогуя, без затруднения выходили в с. Верхне-Инбатское» (Доброва-Ядринцева 1925: 74–75).

В селе Верхне-Инбатском собиралась такая же ярмарка, как в Туруханске. В посещаемых селькупными городах круглогодично работали постоянные лавки и магазины с товарами. Зажиточные ваховские, верхнетазовские селькупы и селькупы верховьев реки Толька выходили на ярмарку и в магазины села Ларьяк, расположенного на реке Вах. По возвращению с ярмарки они устраивали распродажу привезенных товаров среди бедных соплеменников, не имеющих возможности выехать на ярмарку самостоятельно (Скалон 1930). Торговое село Ларьяк еще до революции стало называться факторией.

В низовьях Таза в царское время немецко-шведской компанией Функа, Мурзейна и Варденнера была основана фактория Халмер-Седе (впоследствии поселок Тазовский). По другим данным, она была открыта в 1907 г. латышским торговым товариществом «Нижне-Обское». В 1911 г. от латышской фактория перешла к фирме Промышкова (Дудников 2005: 15).

Туруханский край с момента освоения был местом ссылки уголовных и политических преступников. На реке Таз, в месте, где стояла Николаевская церковь, находилось поселение участников польского восстания 1863 г. Возникшее при нем католическое кладбище сохранялось многие десятилетия. В 1913 г. на том же месте было построено село Церковенское.

К концу века все остяки были крещены и считались официально православными. В ландшафте Таза и Турухана в конце XIX в. имелись следующие церковные сооружения: две церкви в Туруханске — Благовещенская и Преображенская; Свято-Троицкий монастырь под Туруханском; церковь Николая Чудотворца в Хальмер-Седе в устье Таза, построенная в 1813 г., а также Тазовская Николаевская церковь. Особую активность по отношению к иноверцам церковь проявляла, когда остяки выходили в города для участия в ярмарках. В крае также действовали походные миссионерские церкви туруханской и обдорской духовных миссий.

Священнослужителей часто не хватало: в 1887 г. благочинный туруханского участка Михаил Суслов числился одновременно священником Преображенского собора и псаломщиком при Тазовской церкви (Алексеенко 1979: 55).

В литературе содержатся сведения, что священнослужители часто обогащались за счет иноверцев. Например, тазовский диакон-катихизатор Мелентов был богат (он владел стадом более 150 голов оленей) и вел обширную торговлю. Используя свое должностное положение, Мелентов летом возил на Таз сотни килограммов груза бесплатно, и остякам приходилось тянуть огромную грузовую лодку вверх по Турухану, от Туруханска и далее на запад, перетаскивать лодку волоком на притоки Таза и т. д. (Островских 1931: 167). (К слову, волок этот известен с XVII в., носит название Енисейского и является важным элементом местного антропогенного ландшафта). Таким же способом остяки обременялись подвозкой леса на церкви и часовни. Остяки должны были вносить миссионерам 30 коп. в год с души на содержание трапезника в своем приходе.

К концу XIX в. Туруханский край переживал экономический упадок. В 1900 г. Туруханск представлял собой крохотный городок с сорока избами и двумястами жителями (Островских 1931: 161). В 1909 г. город был практически полностью уничтожен пожаром. В 1912 г. все краевые административные органы были переведены в село Монастырское, которое было основано рядом с Туруханским Троицким монастырем еще в 1670 г. В 1920 г. село Монастырское переименовали в Туруханск.

Итак, формирование антропогенного ландшафта Таза и Турухана в период XVII — начала XX в. происходило при взаимодействии нескольких народов, наиболее активными из которых оказались русские и селькупы. К объектам ландшафта, созданным русскими, относятся два города — Мангазья и Туруханск, зимовья, туруханская ярмарка, отдельно стоящие церкви, хлебозапасные магазины и появившиеся к началу XX в. фактории. Все эти объекты служили русским опорой на занятых землях и были частью системы получения государственной казной определенного вида доходов. В эту систему также было включено местное инородческое население. Оригинальный ландшафт северных селькупов, ставших отдельной этнографической группой в этот период и на этой территории, представлен сетью стойбищ с прилегающими к ним кладбищами, культовыми местами и промысловыми угодьями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Е. А. Христианизация на Туруханском Севере и ее влияние на мировоззрение и религиозные культы кетов // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л.: Наука, 1979. С. 50–85.

Алексеев Е. А. Этнические взаимодействия коренного населения Туруханского Севера и Верхнего Таза // Народы и языки Сибири. Ареальные исследования. М.: Наука, 1978. С. 32–36.

Андреев А. И. «Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах» // Советская этнография. 1947. № 1. С. 84–103.

Доброва-Ядринцева Л. Н. Туземцы Туруханского края. Новониколаевск: Издание Сибревкома, 1925. 101 с.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института Этнографии. Новая серия. М.: АН СССР, 1960. Т. 55. 622 с.

Доннер К. У самоедов Сибири. Томск: Ветер, 2008. 175 с.

Дудников Н. Ф. Свет далеких факторий. М.: Вертикаль, 2005. 192 с.

Исаченко А. Г. Прикладное ландшафтоведение. Л.: ЛГУ, 1976. 152 с.

Козьмин В. А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб.: СПбГУ, 2003. 235 с.

Кочедамов В. И. Город Мангазья // Известия высших учебных заведений. Строительство и архитектура. 1969. № 2. С. 82–88.

Мильков Ф. Н. Человек и ландшафты. Очерки антропогенного ландшафтоведения. М.: Мысль, 1973. 224 с.

Островских П. Е. Баишенские остяки (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в. // Советский Север. 1931. № 7–8. С. 161–181.

Скалон В. Н. В Тундре Верхнего Таза (фактические данные о классовом расслоении) // Советский Север. 1930. № 3. С. 129–139.

Соколова З. П. Селькупы // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 119–129.

Становление православия в Надым-Пур-Тазовском междуречье-2. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-233159.html> (дата обращения: 23.03.2017).

Степанова О. Б. Антропогенный ландшафт бассейнов Таза и Турухана в XVII–XIX вв.: история vs теория // Материалы IV Всерос. конф. «Человек и Север: антропология, археология, экология». Тюмень: ТюмНЦ СО РАН, 2018. С. 422–425.

Степанова О. Б. Мир мертвых и погребальный обряд селькупов // Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 182–198.

Степанова О. Б. Стойбище верхнетазовских селькупов // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2009. Вып. 9. С. 23–42.

Степанова О. Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. СПб.; Абакан: Петербургское востоковедение; Пантеон, 2010. 303 с.

Туруханский район // Энциклопедия Красноярского края. URL: <http://my.krskstate.ru/docs/regions/turukhanskiy-rayon/> (дата обращения: 23.03.2017).

REVISTING THE ANTHROPOGENIC LANDSCAPE OF THE BASINS OF THE TAZ AND TURUKHAN RIVERS (17th — EARLY 20th CENTURIES)

A B S T R A C T. The basins of the Taz and Turukhan rivers are the territory populated by the northern Selkup. However, the anthropogenic landscape of this region has been the product of a complex interaction of several ethnic communities over a few centuries. The study covers the period from the beginning of the 17th century until the 1920s. For the Selkup, these temporary boundaries marked an era of radical change. In the 1620s the Selkup began to move from the Middle Ob to the North. Under the influence of Northern conditions and other peoples, they began to form a new people, with a new economic structure, a new way of life and culture. The end of the period in question, the 1920s, marked a transformation of the tradition that had developed within the Selkup community over the last three centuries.

KEYWORDS: Selkup, Russian, ethnography, man-made landscape, history of development, ethnic interactions

OLGA B. STEPANOVA — Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: stepanova67@mail.ru